

На правах рукописи

Рвалов Павел Николаевич

**КОНСТИТУТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СТАТУС
ИНФОРМАЦИОННОЙ ВЛАСТИ: КОНТЕКСТ МЕДИАСФЕРЫ
КОГНИТИВНОГО ОБЩЕСТВА**

09.00.11 – Социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск – 2020

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет».

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Корниенко Алла Александровна

Официальные оппоненты:

Шипунова Ольга Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», кафедра общественных наук, профессор

Базикян Станислава Александровна, кандидат философских наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», кафедра журналистики, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Защита состоится 31 марта 2020 г. в 15 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.01, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 4 ТГУ, аудитория 306).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
<http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/RvalovPN31032020.html>

Автореферат разослан «__» февраля 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Эннс Ирина Андреевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность социально-философского исследования феномена медиасферы обусловлена специфической ситуацией в современном мире. В настоящее время происходит становление новых базовых основ социального бытия, ведутся поиски ответов на вопросы, постановкой которых занято рефлекслирующее сознание.

Ученые, анализирующие медиасферу, интерпретируют ее как совокупность современных медиаресурсов и технологий их применения, используемую для того, чтобы управлять психологией больших масс людей, их идеологией и, кроме того, активно вмешиваться в их повседневное поведение, манипулируя как общественным мнением, так и общественным сознанием.

Существует несколько обстоятельств, которые обусловили интерес исследователей к проблеме, связанной с потенциалом медиасферы и ее статусными особенностями. К числу таких обстоятельств относится тот факт, что медиасфера по-прежнему изучена недостаточно. Медиасфера, очевидно, связана с коммуникативно-информационным состоянием социальности. Кроме того, область массовых ресурсов медийного характера адекватна постметафизическому определению понятия «социальность» – коммуникативной онтологии (когда коммуникативность и информативность сопутствуют друг другу). Исследователи, изучая природу медиасферы, ее функций и статусные особенности, обращают внимание, в первую очередь, на коммуникативность как на один из важнейших факторов реализации потенциала медиасферы.

Существенным для данного диссертационного исследования, для определения его целей, задач, доминирующей проблемы является также учет термина «информационное, постиндустриальное общество», который используется в рамках современной социальной теории при анализе общественной структуры. Теоретическая модель природы общества данного типа – результат исследований аналитиков, преимущественно западных, в числе которых А. Турен, Ю. Хабермас, Д. Белл, О. Тоффлер. В их работах исследуются особенности генезиса постиндустриального общества, его сущностные характеристики и тенденции развития, отличительные черты общественных отношений, возникающих в этом обществе. Так, в большей части исследований делается акцент на том, что основной предпосылкой возникновения постиндустриального общества является развитие технологий, в результате чего изменилась социальная роль информации. Это, в свою очередь, привело к формированию глобальных высокотехнологичных информационных сетей. И если на предыдущих этапах развития человеческой цивилизации информация воспринималась только как сопутствующий результат процессов коммуникации, то ныне она стала предметом массового потребления, оказывающим влияние на все базовые сферы жизнедеятельности общества. К примеру, в сфере экономики смена роли информации в корне изменила структуру общественного производства,

обусловив доминирование сферы услуг; в социальной сфере информация стала ключевым признаком дифференциации социума. Смена социальной роли информации привела к формированию нового социального пространства – виртуальной реальности – и, в итоге, к возникновению нового типа личности. В политической же сфере информация стала ключевым фактором управления. Информация как явление социальной реальности приводит к становлению культуры совершенно нового типа. Это проявляется «в заступании эры потребления, доминирования сектора услуг над сектором производства, в возникновении “четвертого” – информационного – сектора (после сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг), который и инициировал “четвертую” – информационную, власть».

Сегодня в исследованиях, осуществляемых в проблемном поле многих наук, таких как политология, гуманитарная информатика, социология, культурология, философия, авторы обращают внимание на процесс коренного обновления всей системы общественных отношений и институтов. Эта радикальная трансформация вызвана в том числе влиянием власти информационного знания, обнаружившей свой потенциал и манипулятивные возможности. В информационном обществе власть знания в историко-культурном плане была сформирована властной силой истины. Именно это характеризовало особенности гносеологической установки классической философии. И именно это утверждение приводит к возникновению вопроса: может ли гносеологическая власть истинного знания стать культурфилософским основанием распространения этой власти до социокультурного плана в обществе, называемом сегодня когнитивным?

Таким образом, **проблема** может быть сформулирована в форме вопроса о том, как специфика общества знания влияет на потенциал конститутивных характеристик информационной власти? Какая связь существует между превращением знания в важнейший ресурс когнитивного общества и формированием целостной системы качеств четвертой власти? Разрешить таким образом обозначенную проблему наиболее эффективно возможно, поместив феномен медиасферы в коммуникативный контекст, что позволило выявить мультимедийность информационной власти и рассмотреть коммуникации как фактор, обуславливающий содержание и структуру информационной власти.

Степень теоретической разработанности проблемы.

Проблематика власти, именуемой сегодня «четвертой властью», «информационной властью», «внесистемной», «обще знаменательной», к настоящему времени нашла отражение в большом количестве работ. Условно можно выделить несколько сегментов в совокупности аналитических источников, где в той или иной мере исследуется феномен информационной власти.

Сегодня в аналитической литературе существует огромный спектр позиций, фиксирующих трансформации, связанные с функционированием власти. Исследователи изучают феномен смещения, «сдвига» власти, специфика которого проявила себя в распаде ранее сформировавшихся и

функционирующих властных структур; знание превращено в ведущий ресурс управления и власти, значимый фактор власти (О. Тоффлер). Изменилась статусная роль насилия и богатства в системе властных отношений, насилие обрело характер насилия информационного.

Власть уже не интерпретируется традиционным образом: не рассматривается как средство достижения блага в будущем (П. Гоббс), как условие осуществления своей воли (Т. Лассауэл, А. Каплан) либо как возможность заставить другого делать то, что противоречит его природе (Р. Даль).

Изменившемуся статусу экономического фактора, когда властная значимость этого фактора уступила свое место власти знания и информации, посвящены работы О. Тоффлера, В. П. Пугачева, А. Н. Соловьева, Р. Гайблера, Р. Бахраха, М. Баратца, Д. Реймана, П. Клотца, Д. Белла. Последствия процессов «распыления», «смещения» власти, проявившие себя в возникновении меритократии, в формировании «оверстрата интеллектуалов», в «новой революции в классовой структуре», в новой природе бюрократии, нашли отражение в работах М. Янга, В. Иноземцева, Д. Белла, А. Турена, Э. Баталова, З. Бжезинского, Ф. Махлупа, Р. Ларендорфа, А. Горца, Б. Губла, А. Хонора, А. Инглегарда, А. Мартелла, У. Брауна, А. М. Орехова, А. Васильева.

В аналитической литературе сформировались такие подходы к феномену информационной власти, как позитивный и негативный. Если в рамках первого власть интерпретируется как власть масс-медиа и фактор развития социальности и культуры, то в границах второго подхода раскрывается манипулятивный потенциал «четвертой» власти, а исследовательский интерес сосредоточен на технологическом смысле и значении информационной власти: исследуется система «я-формирующих» технологий в коммуникационном пространстве социума (В. Н. Порус, Ю. Хабермас, Б. С. Кара-Мурза, Н. В. Громыко). Процесс распада идентичности как антропологическая стратегия СМИ рассмотрен Э. Гидденсом, З. Бауманом; проблема взаимодействия информационной власти и массы является одной из центральных в работах Э. Канетти. Влиянию СМИ на сферу политических отношений посвящены исследования П. Бурдые, П. Лазарсфельда, Э. Дениса, Д. Мерилла. Информационная война как феномен изучена Т. Стоуньером, Д. Уэбстером, Б. И. Пружининым, Н. В. Громыко, П. П. Почепцовым. Исследованию концентриального оружия, направленного на дискредитацию устойчивой системы мировоззренческих ценностей, на уничтожение родовой и культурной памяти и подмену их симулякрами, посвящены работы Е. Е. Пронина, Б. И. Пружинина, Н. В. Громыко, Б. С. Кара-Мурзы.

Несмотря на достаточно глубокую проработанность феномена информационной власти, имеющийся массив исследовательской литературы практически не содержит работ, посвященных выявлению конститутивных характеристик информационной власти в обществе, где доминирующим

ресурсом является знание, – в обществе когнитивном. Этот пробел определил объект, предмет, цель и задачи данного исследования.

Объектом исследования выступает медиасфера, интерпретируемая как совокупность современных медиаресурсов и технологий их применения в мире повседневности.

Предметом исследования являются конститутивные характеристики информационной власти, определяющие манипулятивный потенциал информационной власти в пространстве медиасферы и степень влияния ее на мир повседневности.

Гипотеза исследования заключена в обосновании следующего тезиса: система конститутивных характеристик информационной власти, рассмотренных в контексте медиасферы, адекватна коммуникативно-информационному состоянию социальности; исследователь, анализируя природу медиасферы, ее функции и статусные особенности, анализируя конститутивные характеристики информационной власти, должен исходить из интерпретации коммуникативности как одного из важнейших факторов реализации потенциала медиасферы. Область массовых ресурсов медийного характера адекватна постметафизическому пониманию социальности, в котором коммуникативность и информативность сопутствуют друг другу.

Цель исследования – представить феномен информационной власти как целостность, определяемую единством свойств, качеств и характеристик, лежащих в основании интерпретации природы этой власти.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Раскрыть природу когнитивного общества, охарактеризовать статусные характеристики этого общества;
2. Проанализировать существо феномена «сдвиг власти», обосновать статус информационной власти в системе властных отношений;
3. Раскрыть механизмы проявлений информационной власти в коммуникативном пространстве когнитивного общества; обосновать природу и потенциал антропологических стратегий информационной власти;
4. Раскрыть манипулятивные возможности «четвертой власти» в коммуникативной сфере когнитивного общества;
5. Интерпретировать информационные войны как разновидность стратегии противостояния в информационном пространстве и форму коммуникации когнитивного общества.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования являются потенциал системной методологии, потенциал комплексного подхода, возможности методов индукции и дедукции, анализа и синтеза. В исследовании нашли применение также метод историко-культурной реконструкции и метод прогнозирования.

Парадигма исследования формировалась с ориентацией на труды Е. Масуды, М. Кастельса, Д. Белла, О. Тоффлера, П. Друкера, Т. Стоуньера, Ю. Хабермаса. Методологическим основанием исследования стали работы как отечественных, так и западных теоретиков информационной власти,

информационных войн, а также труды авторов, разрабатывающих вопросы применения потенциала концентрированного оружия.

Научная новизна исследования определяется результатами, которые получены в ходе решения поставленных в диссертации задач:

1. Обоснована изоморфная репрезентация конститутивных характеристик когнитивного общества.

2. Раскрыты особенности и определена природа явления «смещения» («сдвига») власти в коммуникативном пространстве общества знания, обозначены последствия данного процесса. «Креативный класс» интерпретирован как новая движущая сила общественного развития.

3. Обоснована природа антропологических стратегий СМИ, реализующих принципы информационной власти и формирующих специфические антропологические типы личности (человек-масса, фланер, игрок, турист, бродяга) в мире повседневности.

4. Раскрыт потенциал и проанализированы формы и методы манипуляции, используемые в глобальном коммуникативном пространстве сетевого общества. СМИ представлены как манипулятивный фактор политической сферы.

5. Проанализирована роль информационных войн в обеспечении информационного превосходства национальных стратегий.

Положения, выносимые на защиту:

1. Когнитивное общество представляет собой усиленную версию информационного общества, где знание обретает статус легитимирующего условия господства и доминирующей ценности. Знание в когнитивном обществе – это «информационный товар» (Ж.-Ф. Лиотар), крупнейшая ставка в борьбе за власть. Знание и информация превращены в основной ресурс общественной жизни, материал креативности; окончательным результатом осуществляющихся процессов становятся инновации, создаваемые тем креативным классом, который формируется в условиях потребностей экономики знаний.

2. Знание в когнитивном обществе превращено в ресурс власти, оно приобрело функцию власти. Расширена сфера применения знания в управленческом значении; отношения власти реализуют себя лишь через применение власти. Источники власти – сила, богатство, знание («культурные источники власти» в интерпретации О. Тоффлера) – оказались органично соединенными; взятые вместе, они могут быть использованы на любом уровне социальной жизни и социального мира.

Власть силы изжила себя, прямое насилие заменено видоизмененными, скрытыми формами. В условиях порождения «символической» формы капитала («суперкапиталом» становится знание) контроль над информацией дает реальную власть в экономической и политической сферах. Характер власти и управления стал иным: власть уже не исходит из единого и устойчивого центра. Власть, основанная на богатстве и силе, уступила место власти знания; на новый эволюционный уровень вышла система массовых коммуникаций, «распыление» власти выразилось в ее переходе на

микроуровневый, низовой, эмпирически повседневный план («микрофизика власти» у М. Фуко), – всё это обозначено О. Тоффлером как «сдвиг» власти.

3. Антропологические стратегии, используемые в границах «четвертой» власти, способны формировать антропологический тип человека повседневного мира (фланер, игрок, турист, бродяга). Этот тип сформирован властным потенциалом информации и воплощает в себе ряд свойств культуры нового типа (телесную праздничность, фрагментарность, клиповость).

4. Информационная манипуляция в когнитивном обществе является средством «четвертой» власти, результативность которого обусловлена способностью проникновения в пограничные, периферийные сегменты и сферы социального мира.

Инструментами влияния на человека, определяющими способ реализации манипулятивного потенциала медиасферы, являются виртуальный образ, логика убеждения и внушения, имидж, диффамация конкурентных идей, внушение социальных мифов, подтасовка фактов, фрагментарный способ подачи информации и ее тенденциозное комментирование. Все формы власти интегрируются в системе политических отношений.

5. Информационная война основывается на применении коммуникативных технологий воздействия на массовое сознание, осуществляемого с учетом кратковременного и долговременного прогноза. Основным инструментом информационной войны является информационное оружие, представляющее собой совокупность средств, технологий информации и дезинформации, используемых в целях деструктивного воздействия на менталитет населения и информационно-техническую инфраструктуру государства.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования

Теоретическая значимость состоит в том, что проведенное исследование может внести вклад в развитие теории информационной власти. Полученные автором выводы могут в исследовательской перспективе сыграть роль методологических ориентиров для социально-философского анализа феноменов власти и информационной власти, теории коммуникации, для изучения вопросов природы и закономерностей развития общественного сознания, а также для развития социальной теории в целом.

Практическая значимость исследования связана с тем, что полученные в диссертации результаты могут явиться основанием для разработки таких лекционных курсов, как «СМИ в глобальном мире», «Образ России в СМИ: контекст, оценка, комментарии», «Язык масс-медиа», «Механизмы конструирования медиареальности», «Социальное управление», «Философская антропология».

Полученные в исследовании результаты обсуждались в учебном процессе во время прохождения автором аспирантской педагогической практики.

Степень достоверности результатов исследования.

Достоверность полученных результатов обусловлена привлечением и применением методов, соответствующих поставленным задачам и цели исследования, а также проработкой репрезентативного и достаточного для раскрытия темы количества источников и литературы.

Апробация результатов исследования

Основные результаты диссертационного исследования изложены и обсуждены на региональных и международных конференциях: на XII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы гуманитарных наук» (г. Томск, 2013 г.); на конференции «Трансформация научных парадигм и коммуникативные практики информационного общества» (г. Томск, 2013 г.); на XII Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, сборник «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (г. Томск, 2012 г.); на XVI Международной научно-практической конференции "Лингвистические и культурологические традиции и инновации" (г. Томск, 2016 г.); на Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Научная сессия ТУСУР–2011» (г. Томск, 2011 г.); на International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences 2015 (г. Томск, 2015 г.); на RPTSS 2017 – International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences (г. Томск, 2017 г.).

Положения диссертационного исследования изложены в 6 работах, в том числе в 4 статьях в журналах, рекомендованных ВАК для опубликования научных результатов диссертаций.

Структура диссертации определена целью и внутренней логикой работы, отражена в последовательности решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, содержащего 318 наименований. Текст диссертации изложен на 138 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень теоретической разработанности проблемы, определяются цель и задачи работы, теоретико-методологические основания исследования, научная новизна и положения, выносимые на защиту. Раскрыта теоретическая и практическая значимость исследования, представлена апробация исследования, дана краткая характеристика структуры работы.

В первой главе «Становление когнитивного общества как предпосылка и условие “сдвига власти”» раскрыты природа и статусные характеристики когнитивного общества, проанализировано существо процесса «смещения» власти, определена природа власти, представлены и охарактеризованы версии классификации власти.

В первом параграфе «Природа когнитивного общества и его статусные характеристики» поставлен вопрос о том, являются ли теории

общества информационного, постиндустриального, общества знания теориями рукоположенного свойства (ведь, по сути, в каждой из этих теорий говорится о роли, которую играют знание и информация в процессах развития общества, включая проекты футурологические). Делается вывод о различии обозначенных теорий, о различных проявлениях процесса применения в социальной среде знания, информации, информационно-коммуникативных технологий. Общество знания интерпретировано как усиленная версия общества информационного; показано, что в цивилизации знания в базисное основание превращены теоретическое знание и создаваемые с помощью этого знания высокие технологии («инструментальные способы рационального действия», как определяет их в своем футурологическом проекте Д. Белл); процессу создания теоретического знания в обществе знания придается статус приоритетного направления общественного производства. Знание превратилось не просто в доминирующий фактор общественного развития, но и (в терминологии Ж.-Ф. Лиотара) в «информационный товар» и наиболее значимую ставку в борьбе за власть. Производство и распространение информации и знания в обществе знания превращено в основной вид экономической деятельности. Произошедший в экономике тектонический сдвиг заключается в том, что на смену производства товаров приходит производство услуг; знание при этом обретает статус движущей силы инновационных процессов, будущее же целиком предопределено технологиями как инструментальными способами рационального действия и детерминантами эволюции общества. Знание превращено в источник богатства и власти, в управлении доминируют интеллектуальные технологии, теоретическое знание («осевой принцип» постиндустриального общества) превращено в ресурс стратегического уровня и в агента социальных трансформаций. Исследуемый экономистами термин «когнитивный капитализм» (А. Горц, «Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний») отражает ситуацию превращения в источник прибыли расходов на знаниевые вложения. Показано, что всё, что связано с информацией, ее производством, передачей, хранением, в когнитивном обществе является предпосылкой роста производительности и трансформации власти.

Во втором параграфе **«Феномен “сдвига власти”. Морфология власти»** исследовано существо процесса «сдвига власти», предметом анализа являются и разнообразные версии – классификационные схемы власти. Показано, что процесс становления общества знания, интерпретируемого как «усиленная версия информационного общества» (терминология А. И. Ракитова), обнаруживает ряд тенденций, связанных с такой особенностью общества знания, как выход на приоритетные позиции знания. В числе этих тенденций – «сдвиг власти». Термин введен О. Тоффлером в работах «Футурошок», «Третья волна», «Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века», и уже сегодня в философских источниках применительно к процессу сдвига власти используется конструкция «Powershift Era».

«Сдвиг власти», сближение власти и знания – можно ли полагать, что эти термины говорят о ситуации, в которой знание, выходя на приоритетные позиции, расширило свое гносеологическое значение и содержание, знание превращено в фактор, который обеспечивает функционирование социальности как целостности, знание приобретает властный характер во всех сферах и структурах социальности? Утвердительно отвечая на этот вопрос, автор отмечает, что проблема соотношения знания и власти была предметом философской дискуссии со времен Платона: его проект идеального государства строится на идее представления об управлении как о философской деятельности мудрого управителя. Позднее на идее властной силы рационального знания строились проекты многих совершенных государственных устройств: проекты утопического социализма, как строился на идее рационального знания и проект К. Маркса.

Представление о властном значении знания являлось гносеологическим базисом философской классики, своего рода гносеологическим ориентиром классической философии и западно-европейской культуры. Ситуация изменилась тогда, когда власть единой истины оказалась утраченной. Этот процесс – процесс утраты единой истины – описан в литературе как явление, получившее резонансный отклик социальности и культуры. О взаимосвязи коммуникативной социальности и «информационной специфики нового общества» писали такие аналитики, как П. Бурдьё, Ж. Дериде, Ж. Бодрийяр, Ю. Хабермас, Ж. Подгурецкий. Очевидность того факта, что знание, трансформированное в информацию, пронизывает все структуры социальности и культуры (как центральные, так и периферийные), побудила М. Братца, П. Клотца, Р. Бахраха сделать предметом исследования власть знания в информационном обществе, ту власть, которая явилась следствием обозначенного «сдвига власти», ее «смещения» и «распыления». В обиход науки вошел и термин «микрофизика власти». Предметом исследования стало возникновение меритократии (М. Янга), о новой социальной структуре заговорили Д. Белл, А. Турен, Ф. Махлуп, начали изучать природу бюрократии У. Браун, А. Хонор, Б. Губл, Г. Маркузе, А. Ингледард, А. Мартелл. Формирующаяся коммуникативно-информационная социальность явилась результатом и следствием происходящих со знанием трансформационных процессов. Трансформированное в информацию знание, послужив мощным фактором трансформации социальной онтологии, превратилось в тот властный ресурс, под влиянием которого была изменена вся сфера отношений власти – как структура власти, так и ее основания.

О. Тоффлер, социолог и футуролог из США, был тем, кто представил интерпретацию знания в качестве властного и управленческого ресурса. Исследователь поместил эту идею в масштабный прогностический дискурс: речь шла о прогнозировании происходящих в эпоху постиндустриализма масштабных социальных трансформаций. В работе «Смещение власти: знание, богатство и сила на пороге XX века» О. Тоффлер заявил о новой системе власти, о наступлении эры «смещения» власти, характерной особенностью которой является распад ранее существовавших структур

власти: им на смену пришли структуры принципиально новые. Смещение власти есть следствие изменившейся природы власти. Власть, которая ранее основывалась на богатстве и силе, изменила масштабы своего влияния. Сфера власти трансформировалась, совмещение знания и власти стало очевидным, власть реализует себя через использование знания. Монополия профессионалов на знание утрачивается ими; интеллектуальные технологии, распространяясь, формируют, по мнению О. Тоффлера, принципиально иной способ создания и получения общественного богатства. Переструктурируется вся сфера власти, но это происходит лишь на базе знания.

Источники власти – сила, богатство, знание (в литературе они названы культурными источниками) – оказались органично соединенными: каждый из этих факторов и все вместе взятые могут быть использованы на любом уровне социальной жизни. Знание как культурный источник власти имеет ряд значимых преимуществ в сравнении с силой и богатством. Оно бесконечно, общедоступно, демократично, и в силу этого именно знание оказалось обладающим способностью подчинить силу и богатство и обрести статус доминирующего властного ресурса. Знание повлияло на специфику экономической системы, использующей информационные технологии «третьей волны» в процессе перехода от массового производства к массовому потреблению, к децентрализации и разукрупненным формам организации. Осуществился процесс «смещения» власти, оказался измененным (и радикально) способ ее реализации. Способ формирования богатства оказался зависящим от коммуникативных связей и определяемым распространением информации, идеи, символов, что дало основание О. Тоффлеру обозначить новую экономическую систему как «суперсимволическую».

Власть силы изжила себя, эпоха постиндустриализма заменила прямое насилие видоизмененными, скрытыми и, как оказалось, законодательно урегулированными формами.

Коммуникативная природа нового общества проявляется и во взаимовлиянии тех сфер, которые существуют теперь благодаря движению и взаимодействию. В такой социальности становится другим сам характер власти и управления. Власть уже не исходит из центра, единого и устойчивого. В информационно-коммуникативном обществе власть «дробится» и «распыляется», переходит на микроуровень, становится эмпирически повседневной. Именно в этом смысле М. Фуко говорит о «микрофизике власти».

Власть силы утратила свой потенциал, и это явление приобрело название «смещения власти», прямое насилие заменилось скрытыми формами, система массовых коммуникаций вышла на новый эволюционный уровень. Власть, основой которой были богатство и сила, уступила место власти знания в таких формах, как информация, наука, искусство. Возник новый способ получения богатства, «суперсимволическая экономика» – всё обозначенное в концептуальном изложении О. Тоффлера и получило название «сдвиг власти».

Помимо Д. Белла и О. Тоффлера среди аналитиков, обративших внимание на новый феномен, а именно оформление знания в статусе «ресурса общественной жизни» и становление новой движущей силы общественного развития – креативного класса, следует назвать американского социолога Р. Флориду, введшего в обиход науки сам термин «креативный класс» и писавшего в работе 2011 года «Креативный класс. Люди, которые меняют будущее» о процессе превращения знания в доминирующий ресурс общественной жизни как о процессе с далеко идущими последствиями. Креативность как способность создавать новые значимые формы стала источником конкурентного преимущества; носители креативности – творческие люди, которые и являются важнейшим ресурсом новой эпохи.

В условиях, когда власть силы утрачивает свое могущество, когда коммуникативные связи, распространение информации, идей, символов оказались тем, чем определяется способ получения общественного богатства, именно знание, контроль над знанием и информацией играет роль важнейшего звена и фактора, определяющего масштаб реальной власти в сфере экономики и политики, а исследующие решение власти начинают говорить о появлении стратегического оружия, создаваемого посредством знания и информации. Насилие сохраняет себя, однако это насилие иного рода, его особенность заключается в том, что связано оно с видоизмененными, скрытыми формами, причем эти формы законодательно обеспечены. Изменилось и понимание использования власти: власть расплылась, рассеяна в скрытых видоизмененных формах, считавшаяся информационной властью вошла практически в любые социальные образования и структуры.

Во втором параграфе также анализируется специфика альтернативного и диспозиционного подходов к феномену власти (А. Каплан, Х. Саймон, Р. Даль, Н. Полеби, Г. Лассауэл, Т. Болл, С. Лукс, М. Льюкс, У. Конноли, Н. Пуланзас).

Сравнение классификационных схем-версий во втором параграфе выстроено посредством выделения основания, положенного в основу конкретной классификации (к примеру, власть как разновидность каузальной связи, различие видов власти на источники как подчинение субъекту власти и т. д).

В исследовании показано, что в условиях информационного общества, возникающего как стадия постиндустриального развития, традиционная гносеологическая функция оказалась подвержена трансформации. Это нашло выражение в том, что обозначенная гносеологическая функция была дополнена функцией социокультурной. Процесс становления информационного общества совпал с тем этапом социально-культурного развития, когда знание и информация были превращены в ведущую производительную силу социального развития. В условиях информационного общества знание и информация обрели статус доминирующих

стратегических ресурсов, власть же предстала как обусловленная совокупностью социокультурных изменений.

Автором показано различие понятий «знание» и «информация», введены категориальные конструкты знания индивидуального, кодифицированного, объективированного. Выделение таких конструктов обусловлено необходимостью определить, какие трансформации происходят в культуре в моменты, когда осуществляются процессы превращения знания в информацию. Каков смысл этих превращений, какова их природа, наконец, что представляет собой этот механизм?

Вторая глава диссертационного исследования названа **«Антропологические стратегии информационной власти в когнитивном обществе: подходы и специфика»**.

В первом параграфе **«Информационная власть и ее проявления в коммуникативном пространстве общества знания»** исследованы направления и механизмы влияния информационной власти в коммуникативной системе когнитивного общества. Автор исходит из того, что рубеж XX–XXI веков обнаружил беспрецедентный рост политического влияния информационной власти и доминирующего носителя информационной власти – СМИ. Последнее явилось результатом действия ряда причин, в числе которых коммуникационная революция, изменившая статусную роль коммуникаций и коммуникационных технологий в социальной сфере. Коммуникационная революция проявилась в резко возросшем масштабе спутниковой связи, кабельного телевидения и радио. Трансформировались система компьютерных текстовых коммуникационных систем (видео-, экранные и кабельные тексты) и система технических средств наполнения информации, что привело к формированию глобализированных информационных сетей. Информационные технологии трансформировали пространство информационной культуры, социокультурные процессы глобализации и информатизации привели к тому, что человечество стало единой коммуникативной целостностью, в чем отразилась глубинная трансформация цивилизационного процесса. Изменился сам статус коммуникаций и коммуникативных технологий, аналитиками был использован термин «взрыв коммуникаций», с помощью которого была предпринята попытка акцентировать внимание на управлении коммуникативными процессами в ситуации новой роли СМИ, проявивших себя в качестве фактора, определяющего доминирующий вектор эволюции коммуникативного пространства культуры начала XXI века. Возник и термин «коммуникативная онтология социальной реальности», используемый для объяснения природы коммуникативной сферы самоорганизующихся социокультурных форм. Коммуникационная революция, наглядно проявившая свои особенности и потенциал уже в последней трети XX века, сыграла роль мощного фактора, способствующего процессу замены традиционных механизмов и технологий работы с сознанием механизмами нетрадиционными (под традиционными мы понимаем механизмы, к примеру, этно-национальные, культурно-исторические, конфессиональные и т. п.).

Помимо коммуникационной революции, резко изменившей масштаб политического влияния информационной власти, следует назвать создание высокоэффективных средств, методов и технологий воздействия на сознание. Предпосылками создания этих высокоэффективных средств явилось интенсивное применение технологий, формируемых в сфере искусственного интеллекта и поведенческих наук. Посредством обращения к потенциалу обозначенных технологий медиасфера формирует новые способы управления сознанием человека. Один из таких способов – искусственная «виртуальная» реальность, создающаяся с помощью компьютерной обработки видеоизображения и речи, а также посредством ряда новых методов (например, голографического), в результате использования потенциала которых создается ощущение реальности, применяемое в процессах политической дезинформации. Во все цивилизационные периоды власть проявляла свою роль, являясь организующим элементом коллективности. Однако переход общества в стадию информационного развития, становление глобализирующегося мира создали ситуацию, в которой приоритетная значимость СМИ стала очевидной. Эта очевидность обнаруживает себя в процессе сравнения природы и потенциала, сфер проявления и ресурсов влияния таких форм власти, как экономическая, социальная, административно-принудительная (эту власть исследователи называют политической властью в узком смысле – такова позиция В. П. Пугачева и В. П. Почепцова) и духовно-информационная.

В исследовании проведен сравнительный анализ обозначенных форм власти. Автор показывает, что трансформация природы властных отношений позволила обозначить процесс, прибегнув к терминам «сдвиг власти», «смещение власти», «микрoфизика власти». Проявлением этого сдвига является феномен информационной власти, обозначенный как «четвертая власть». Аналитики сделали предметом исследования явление микрофизической природы власти, власть средств массовой информации. И то, что СМИ обрели властную функцию, говорит о многом. Это делает очевидным тот факт, что предыдущая система власти перестала быть адекватной обществу коммуникативного движения. Информационная власть в качестве доминирующей ориентации имеет вектор управления массовым сознанием и массовым поведением. Ей присуща мгновенная реакция, это та реакция, которая обеспечивает эффективность функционирования системы информационной власти. В условиях, когда информация и знание превращены в важнейший стратегический ресурс, именно за счет мгновенной реакции информационной власти на происходящие события происходит то, что в прогностической концепции О. Тоффлера обозначено как достижение целей при минимальном расходе ресурсов, как формирование убежденности в обозначенных целях, как превращение противников в союзников. Как показано в работе, воздействие информационной власти, особенности ее именно политического влияния выражены в том, что это влияние незаметно, в нем отсутствует или совершенно незначительно сопротивление реципиентов информационной власти. Влиянию

информационной власти присущи глобальность и безграничность распространения; информационная власть делает своим объектом любое общественное или личное явление: как общественно-политические процессы, так и отношения приватные. Подаваемой информации дается политическая и нравственная оценка, и эта оценка определяет отношение к представленной информации. Получая политическую информацию через СМИ, люди формируют мнение, которое их мотивирует, и это создает возможность массового политического манипулирования.

При этом информационная власть влияет на сферу политики не только посредством политических коммуникаций, но и через такие каналы, как ментальность, ценностные ориентации, потребности и интересы, общественное мнение и моральные нормы.

В данном параграфе охарактеризована также роль манипулирования в функции способа реализации информационной власти. Можно утверждать, что манипулированию как способу реализации четвертой власти, в сравнении, скажем, с экономической и политической властью, может быть отдано преимущество: манипулирование малозаметно, бескровно, технологии манипулирования, взятые в их совокупности, включают в себя внедрение в массовое сознание социальных мифов, фрагментацию информации и ее тенденциозную подачу, применение специальных методов формирования иллюзорного сознания («полуправда», «наклеивание ярлыков», «перенесение чужого авторитета», «спираль умолчания»), использование в целях компрометации искажающего реальность монтажа кадров.

Сегодня исследователи заговорили о том, что в конце XX века идентичность человека была неизбежно трансформирована: подверглась разрушению и распаду. Это явление связывают с глобализацией, с господствующей ролью информационных технологий, со становлением четвертой власти. Революция в СМИ, интенсивные коммуникативные процессы побудили американского психиатра Р. Дж. Лифтона обратиться к феномену «протеевская идентичность» (англ. «Protean» – многообразный, изменчивый, разносторонний, многогранный), обозначив этим термином утрату чувства непрерывной самостоятельности, утрату целостного образа «Я», Я-образа. Протей – греческое божество, чей облик меняется и остается неизменным лишь тогда, когда Протей находится в плену. По мнению Р. Дж. Лифтона, современный человек – это Протей («протеанизм» – феномен XX века), который постепенно утрачивает свою идентичность. Есть несколько причин тому, что идентичность человека не может оставаться стабильной. Одной из этих причин является революция в СМИ. Автор характеризует институты СМИ как то основание, на котором происходит процесс утраты идентичности, и обращается к анализу того антропологического типа, что связан с утратой идентичности. Методологическим базисом этого процесса для автора являются работы К. Ясперса, Э. Эринсона, Е. О. Труфановой, И. С. Кона, Р.-Дж. Лифтона, Ж. Липовецки.

Человек, утративший идентичность, превращается в существо, лишенное стабильности, это так называемый «масочный» человек. Этим термином пользуется Ж. Липовецки, характеризуя процесс персонификации. Автор полагает, что в термине «персона» заключена безличность, в то время как «маска» может явиться средством, используемым для сокрытия пустоты. Деконструировано единое начало, утрачена сущность – им на смену приходят начала постоянно меняющиеся. И это происходит в среде интенсивно сменяющих друг друга информационных потоков, являющихся искусственной виртуальной средой, тем хаосом, в котором человек должен определиться. Метафорой этого хаоса стала «ризом», «сад расходящихся тропок», бытие в лабиринте идентичностей (образ лабиринта применил автор философского трактата «Prooemium» К. А. Свасьян). Утрата идентичности есть результат многих причин, одна из которых – революция в СМИ, проявившая по отношению к человеку повседневности свой мощный потенциал, в том числе свои манипулятивные возможности. Аксиологическая составляющая манипулятивных механизмов информационной власти приводит к таким явлениям, как зомбирование, трансформация сознания, массовизация. Одновременно во всевластвующий для мира повседневности фактор превращается информация, именно она формирует новый антропологический тип человека. Доминирующие характеристики этого нового антропологического типа ныне диктуются не из мира метафизики как мира абсолютной истины, но формируются как соответствующие миру повседневности – миру обыденности, здешнему миру каждодневного человеческого существования. Это существование не привязывает себя к вечности, внеисторичности и абсолютности, но, напротив, состоит из постоянно меняющихся и всегда только современных миров, не относящихся ни к высокому прошлому, ни к высоким идеалам будущего. Человек обязан им соответствовать, всегда обязан стремиться быть Другим, быть Новым.

Явление избавления от идентичности воплощено в таких антропологических типах информационного общества, как «фланер», «игрок», «турист», «бродяга». Данная типология ранее была предложена З. Бауманом. Однако ранее, до эпохи постмодерна, это была типология маргиналов. Информационная эпоха изменила ситуацию. Сегодня эти антропологические стратегии превращены в стиль жизни, являют собой ситуацию исчезновения Гражданина, замены его Потребителем, одним из качеств которого является аутизм.

Человек политический в информационном обществе – «человек потребляющий», «больная личность больного мира», «человек моноцеребральный» (Э. Фромм). Это человек одного измерения. Его формируют СМИ посредством оружия, называемого в литературе консциентальным. Это очередное поколение средств мирового господства.

Второй параграф назван **«Манипулятивные возможности “четвертой власти” в коммуникативной сфере когнитивного общества»**. Манипулирование как способ социального управления обладает, как отмечалось выше, рядом преимуществ, в отличие от силовых и

экономических методов. Политическое манипулирование, в свою очередь, имеет особенности, выражающиеся в его структуре: оно осуществляется через включение институционально-финансового манипулирования, через множество недемократических норм и регламентаций.

Манипулирование интерпретируется как система, и сам процесс манипулирования включает в себя ряд приемов, методов, технологий, таких как внушение социальных мифов, подтасовка фактического материала, распространение лжи и клеветы, фрагментация информации и ее тенденциозное комментирование и подача, применение специальных методов формирования иллюзорного сознания («полуправда», «наклеивание ярлыков», «перенесение чужого авторитета», «спираль умолчания» и т. п., демонстрация на телевидении неугодных политиков в непривлекательных ракурсах, использование для компрометации противников искажающего реальность монтажа кадров). Именно об этом писал Р. Гайблер, назвав манипулирование видимостью демократии, «тоталитаризмом в маске демократии». О явлениях «информационного тоталитаризма», «информационного фашизма» пишут П. Клотц и В. П. Пугачев. Причем возрастание политического влияния информационной власти исследующие эту проблему связывают с глобализацией мировых коммуникационных процессов, через сопоставление всех форм власти и обоснование тезиса о том, что в системе политических отношений можно наблюдать в качестве интегрированного в эту систему потенциала всех существующих форм власти.

Превращение СМИ в важнейший ресурс сферы политических отношений во многом определено ситуацией, связанной с развитием наук о поведении, созданием средств, методов и технологий, эффективно воздействующих как на человеческое сознание, так и на подсознание, чувства и поведение. В борьбе за власть используются разнообразные способы управления человеческим сознанием; создается искусственная («виртуальная») реальность, когда видеоизображения и речь подвергаются компьютерной обработке, используются голографические методы и модели. Появилась возможность заставить образы реальных людей совершать на экране любые действия, при этом у зрителя создается впечатление полной реальности происходящего. С помощью потенциала СМИ создается «виртуальная реальность», широко применяемая в процессах политической дезинформации и, соответственно, манипулирования как способа социального управления.

Следствием упоминаемой ранее трансформации веками существовавших традиционных коммуникаций и коллективных ценностей стала атомизация граждан, которые получают политическую и социальную информацию лишь из сферы электронных СМИ, а это ведет к тому, что поведение полностью зависит от масс-медиа. При этом особенностью политического влияния СМИ является то, что влияние на политическое поведение личности оказывается путем целенаправленного распространения либо блокирования информации, что не создает впечатление использования принуждения.

Автор обращается к исследованию манипулятивных практик «четвертой власти», раскрывает потенциал этих практик («второе лицо власти», явление «коммуникативной асимметрии»).

В данном параграфе раскрыта также роль речевого воздействия в процессах манипуляции массовым сознанием; обозначена и идея специфичности их проявления в процессах манипуляции массовым сознанием, а также специфичности проявления потенциала информационной власти в условиях полиязычного информационного пространства.

Третий параграф **«Информационные войны как разновидность стратегии и форма коммуникации когнитивного общества»** является заключительным параграфом диссертационного исследования.

Каков может быть прогноз относительно такой формы власти, как власть информационная? Появление Интернета предоставило обществу огромные информационные средства для осуществления широкого спектра целей, в том числе и целей политических. Эта ситуация актуализирует отношение к таким феноменам, как информационная безопасность и информационная война.

Термин «информационная война» вошел в обиход науки уже в последней трети XX века, когда имеющие высокую эффективность средства и методы информационного воздействия, по сути, заставили по-иному взглянуть на такие явления, как войны, агрессия. В новую разновидность оружия оказались превращены СМИ, результативные последствия применения которых стали очевидными. Использование этого оружия и стало называться информационной войной.

Задавшись вопросом о природе информационных войн, автор исходит из интерпретации их как применения коммуникативных технологий воздействия на массовое сознание, осуществляемого с учетом как кратковременных, как и долгосрочных целей.

Базовым для понятий «информационная война» и «информационное оружие» является понятие «информационное пространство». Информационное пространство динамично, в нем труднодостижимо постоянное информационное доминирование, хотя достижение определенного уровня информационного превосходства возможно. Информационному пространству присущи определенные стратегии, в числе этих стратегий – стратегия оборонительная (в пределах этой стратегии акцент делается на защите информационных массивов и обеспечении контроля доступа к ним), стратегия недоступная (в ее основе акцент делается на противодействии прямым атакам на информационные системы оппонентов и предоставление дезинформации оппонентам), стратегия впитывающая (в ее границах акцент делается на эффективных способах и технологиях сбора информации большого объема) и, наконец, стратегия информационного менеджмента (ориентирована на меры эффективного управления информацией).

Что касается информационного оружия, под ним понимается совокупность средств, технологий, информации и дезинформации,

используемой в целях деструктивного воздействия на менталитет населения и информационно-техническую инфраструктуру государства. К формам информационного оружия должны быть отнесены совокупности или группы средств, используемые в целях деструктивных информационных воздействий:

- средства массовой информации (радио, пресса, телевидение) предназначены для целенаправленного нанесения информационного ущерба;
- разрушение или искажение информационных массивов, применяемых в информационно-ударных системах, что происходит посредством электронных средств («компьютерные вирусы», «разрушающие программные закладки»).

Особую группу в системе информационного оружия составляют психотропные и лингвистические средства. Первые представлены теми средствами, что применяются в целях дистанционного зомбирования противника, для психофизиологического расстройства тех, кто является пользователем системы НИТ, где используется особого рода комбинация цветовой гаммы, дискретность и интенсивность излучения на экранах ЭЛТ мониторов, где применяются эффекты, воспринять которые возможно лишь на уровне подсознания (скажем, «эффект 25 кадра»). Что касается лингвистических средств, используемых в статусе информационного оружия, они представлены терминологией и оборотами речи, в которых использованы семантическая неоднородность в переводе на иной язык, специальными единицами языка.

Используемые в информационных войнах дезинформационные процессы имеют две формы проявления – это симуляционная дезинформация (передача ложной информации) и диссимуляционная дезинформация.

Используя совокупность самых разнообразных средств массовой информации, информационные войны в XXI веке обрели статус средства мировой политики и экономики, статус эффективного средства, с помощью которого можно не только защитить национальную безопасность, но и достичь многих целей, формируемых различными формами власти.

Интерпретация понятия «информационная война» включает в себя в качестве дополняющего понятие «коммуникативного резонанса». Смысл этого понятия заключается в различии уровней воздействия и результативного эффекта: уровень воздействия меньше того эффекта, который образуется в результате воздействия. В числе составляющих модели информационной войны ряд авторов выделяют многоцелевой объект того коммуникативного резонанса, в котором заинтересованы самые разнообразные слои общества.

В данном параграфе исследован процесс коммуникативного противодействия информационным войнам, рассмотрены формы этого противодействия, широко применяемые во Второй мировой войне.

Заключение диссертационного исследования содержит выводы, сформулированные в результате проведенного анализа.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора.

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Рвалов П. Н.** Конститутивная природа информационной власти в социальном пространстве информационного общества / П. Н. Рвалов, А. А. Корниенко // Социально-политические науки. – 2016. – № 4. – С. 193–195. – 0,34 / 0,27 а.л.

2. **Рвалов П. Н.** Глобальная медиаиндустрия: природа и последствия глобализации медиа / П. Н. Рвалов [Электронный ресурс] // Философская мысль. – 2017. – № 8. – С. 1–7. – DOI: 10.25136/2409-8728.2017.8.22031. – URL: e-notabene.

ru/fr/article_22031.html (дата обращения: 07.05.2019). – 0,51 а.л.

3. **Рвалов П. Н.** Медиафера в дискурсе эволюционирующих исследовательских программ / П. Н. Рвалов [Электронный ресурс] // Философия и культура. – 2017. – № 09. – С. 21–27. – DOI: 10.7256/2454-0757.2017.9.22046. – URL: e-notabene.ru/pfk/article_22046.html (дата обращения: 07.05.2019). – 0,47 а.л.

4. **Рвалов П. Н.** Манипуляционная власть в коммуникативном пространстве мира повседневности / П. Н. Рвалов // Вестник науки Сибири. – 2018. – № 2 (29). – С. 22–33. – 1,05 а.л.

Публикации в сборнике тезисов докладов конференции:

5. **Рвалов П. Н.** Конститутивная природа информационной власти в социальном пространстве информационного общества / П. Н. Рвалов // Лингвистические и культурологические традиции и инновации : сборник тезисов докладов XVI Международной научно-практической конференции. Томск, 11–13 октября 2016 г. – Томск, 2016. – С. 162. – 0,04 а.л.

6. **Рвалов П. Н.** Глобальная медиаиндустрия: природа и последствия глобализации медиа / П. Н. Рвалов // Лингвистические и культурологические традиции и инновации : тезисы докладов XVI Международной научно-практической конференции. Томск, 11–13 октября 2016 г. – Томск, 2016. – С. 163. – 0,05 а.л.

Подписано к печати 30.01.2020. Формат 60x84/16. Бумага «Снегурочка».
Печать XEROX. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,26.
Заказ 13--20. Тираж 100 экз.

Издательство

ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ